

•ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ И АРХЕОГРАФИЯ

Иеромонах Петр (Гайденко)

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ: НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ

Деятельность и личности древнерусских епископов домонгольского периода нечасто привлекают внимание исследователей. Между тем, деятельность епархиальных архиереев заслуживает внимания и осмысления. В ряду южнорусских иерархов первое место должно быть непременно отдано Туровскому святителю Кириллу. В рамках представленной статьи предпринята попытка рассмотреть его деятельность в контексте событий современной ему эпохи и нравов русской церковной иерархии середины и второй половины XII в.

Ключевые слова: *История Русской Православной Церкви, древнерусская иерархия, домонгольская Русь, Древняя Русь, Киевская Русь, Кирилл Туровский.*

XII в. был ознаменован появлением целой череды выдающихся церковных иерархов, происходивших из местного населения: Климент Смолятич, Феодор Ростовский, Кирилл Туровский, продолжительная череда новгородских подвижников и святителей: Антоний, Кирик, Нифонт, Илия и многие другие. Их образование, активная церковная и политическая позиция, личное религиозное благочестие и ревность, отражавшие

христианские идеалы их времени, ставят важный вопрос: чем можно объяснить появление данного религиозного феномена, приобретающего в эти годы явные национальные черты? Скорее всего, протекавшие в церковной среде процессы были обусловлены политической ситуацией на Руси и во многом определялись общей социальной динамикой современного им общества и направлениями развития культуры.

Одной из ярчайших фигур этого времени предстает личность Туровского епископа Кирилла. Этот церковный иерарх был современником Климента Смолятича, Андрея Боголюбского, ярких и драматических церковных и политических событий середины и второй половины XII столетия. Свт. Кирилл оставил после себя значительное литературное наследие, ценность которого определяется не только объемом текстов и их направленностью, но и той важностью, какая придавалась его наставлениям в Древней Руси, и может по праву считаться крупнейшим автором домонгольской Руси. Вместе с тем личность данного святителя загадочна, а прямые известия о нем не намного отличаются от тех, какие были характерны в отношении подавляющего большинства архиереев домонгольской Руси, т. е. немногословны, а поэтому крайне скудны. Указанное обстоятельство отмечалось еще А. И. Пономаревым, признававшим небольшой объем материала к биографии выдающегося церковного автора и сокрушавшегося из-за неопределенности житийных заявлений об учености и учительности архипастыря¹. Однако при этом Кирилл — один из немногих архиереев Древней Руси, о котором известно хоть и немного, но достаточно, чтобы в общих чертах представить его жизнь от рождения до самой смерти. Это произошло благодаря житию Кирилла Туровского, составленному на рубеже XII–XIII вв., или в первой половине XIII в., в форме проложного сказания². На основании указанных обстоятельств Е. Е. Голубинский заключил, что в середине XIII в. Кирилл был уже признан в лике святых³. Впрочем, древнерусский Пролог интересен еще одним. Известно, что данное произведение

¹ Пономарев А. И. Св. Кирилл, еп. Туровский, и его церковно-учительные произведения // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894. Вып. 1 С. 89.

² См. подробнее: Житие Кирилла Туровского // Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 62–64; Сон Джонг Со. Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 228–239.

³ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 140.

возникло в результате переработки Синаксаря⁴. Вполне вероятно, что одним из составителей Пролога мог быть святитель Кирилл. Во всяком случае, выдающийся исследователь церковной старины Н. И. Петров не исключал такой возможности и искренне высказывался в пользу причастности Туровского святителя к составлению одного из первых русских прологов⁵.

Обычно поступки Кирилла Туровского, как и большинства иерархов Церкви, рассматриваются и оцениваются в плоскости религиозно-нравственных ориентиров или идейных течений. Вместе с этим жизнь и труды церковных деятелей должны были развиваться и в контексте социально-политических реалий времени. В полной мере это касается судьбы Кирилла Туровского и его произведений, что в свое время было отмечено белорусским исследователем П. Ф. Лысенко.

В представленной статье предпринята попытка выявить общие и особенные черты деятельности Кирилла Туровского в контексте политических и церковных событий его времени.

* * *

Жизнь Кирилла Туровского совпала с одним из драматических периодов истории Древней Руси. Он стал свидетелем и участником целой череды событий середины и второй половины XII в., отражавших процессы усложнения отношений в разросшемся роде Рюриковичей и усиления городского самоуправления. Традиционно принято считать, что после смерти Мстислава Владимировича начались процессы распада Киевской Руси и обособления входивших в его состав княжений-земель. Эта концепция, сформулированная Б. А. Рыбаковым⁶, в настоящее время не видится такой же убедительной, как пару десятилетий назад. Исследования А. В. Назаренко, рассмотревшего Русь в контексте братского совладения⁷, ясно показали, что и после 1132 г. значение Киева было высоким, а

⁴ Фет Е. А. Пролог // http://old_russian_writers.academic.ru/607/Пролог.

⁵ Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземные источники). Киев, 1875.

⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 468–480.

⁷ Назаренко А. В. Братское совладение, отчина сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы: 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. М. В. Бибилов, Е. А. Мельникова, В. Д. Назаров. М., 2008. С. 132–179.

князья, занимавшие Киевский стол, с приобретением титула получали и значительный ресурс власти. Эти выводы ученого нашли подтверждение в исследованиях С. Э. Цветкова и А. А. Горского, хотя при этом не отрицалось усиление уделов, особенно Владимирского княжества. Впрочем, А. А. Горский вполне удачно заметил, что даже в условиях возвышения Владимира-на-Клязьме и после падения в 1169 г. Киева, когда представилась реальная возможность перенесения общерусской столицы во Владимир, полного уничтожения статуса Киева так и не произошло. Более того, дальнейшие события показали, что борьба за «мать городов русских» продлилась почти до самого монгольского нашествия⁸.

Традиционная история взаимоотношения Турова и Киева после 1132 г. констатирует установление в Турове фактической автономии от «матери городов русских»⁹. Однако в историографии высказывалось разнообразие мнений в отношении как оценки степени самостоятельности Туровской земли от Киева, так и самого факта существования Туровского княжения. М. Н. Тихомиров и П. П. Толочко считали Туров частью Киевской земли и отказывали Турово-Пинскому княжеству в самостоятельном существовании, видя в этом образовании «ученую фикцию», порожденную фантазиями историков¹⁰. Б. А. Рыбаков высказывался более сдержанно. С одной стороны, он также видел Туров неотъемлемой частью Киевской земли, а с другой стороны, полагал, что «в Турове сидели особые князья»¹¹. П. Ф. Лысенко высказывался за неременное признание Туровской земли в качестве самостоятельной политической единицы¹². Не менее противоречива и история Туровской епископии¹³. Вероятно, политико-правовой и административный статус Турова не

⁸ Подробнее см.: *Горский А. А.* Русское Средневековье. М., 2010. С. 90–108.

⁹ В качестве примера подобного взгляда на историю Турово-Пинского княжества см.: *Ермолаев И. П.* Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: взгляд на проблему. Казань, 2004. С. 60, 77–78.

¹⁰ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. СПб., 2008. С. 229; *Толочко П. П.* Киевская земля // *Древнерусские княжества X–XIII вв.* М., 1975. С. 10.

¹¹ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 490.

¹² Об истории Туровского княжества и Туровской земли см.: *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974; *Он же.* Туровская земля IX–XIII вв. Минск, 2001; *Он же.* Древний Туров. Минск, 2004; *Он же.* Древний Пинск. XI–XIII вв. Пинск, 2007.

¹³ Подробнее см.: *Рапов О. М.* Русская Церковь в IX — первой трети XII в.: принятие христианства. М., 1998. С. 366–369.

был постоянным, изменялся. Однако несомненно, что в середине XII в. Туров стал претендовать на расширение своей политической автономии.

Обособление Туровской земли, а вместе с ней и Туровской епископии от Киева ясно прослеживается уже в годы вступления на Киевский великокняжеский стол Изяслава Мстиславича (1146–1149, 1150, 1151–1154). Сидевший в 1146 г. во главе Туровского княжества Вячеслав Владимирович, дядя Изяслава, по совету бояр заявил о своем старшинстве. «От радости не приложивъ чести къ Изяславу», он совершил ряд успешных походов на соседние земли. В результате Вячеслав вернул себе несколько ранее отобранных у него Всеволодом городов и даже присоединил к своим владениям Владимир (Волинский), крупнейший политический центр Юго-Западной Руси. Очевидно, притязания Вячеслава были поддержаны не только боярами, но и местным епископом, что и вселило в князя надежду и «радость». Тем не менее, вскоре, в том же году, в результате похода смоленского князя Ростислава Мстиславича, брата нового Великого князя Изяслава, Вячеслав лишился не только столь выгодных приобретений, но и Турова, а туровские посадники и епископ Иоаким были «искованы» и приведены в Киев в кандалах¹⁴. При всех пренебрежительных высказываниях в адрес архиереев домонгольского периода со стороны знати и князей¹⁵ и при удивительной жестокости церковных судов этого периода¹⁶, до туровского мятежа история еще не знала подобного обращения с местным епископом со стороны светских лиц и Рюриковичей. Для такого обращения с архиереем должны были быть веские основания. Нельзя исключить, что епископ Иоаким благословил притязания Вячеслава Владимировича и оставался убеж-

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 314; Т. 2. Стб. 330.

¹⁵ В этом отношении примечательно насмешливое и укоризненное летописное упоминание о посрамлении неверия митр. Георгия при перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г. Не менее яркий пример представлен в рассказе о пренебрежительной иронии Олега в адрес епископата и игуменов, которых Владимир Мономах и Святополк Изяславич хотели привлечь к суду над строптивым черниговским князем. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171–172, 220). Но наибольшее число случаев предельно требовательного отношения к архиереям дает история Новгородской епископии. Ограничения церковно-экономических интересов местных владык, аресты, смещения и даже изгнания из города здесь не были чем-то редким и необычным.

¹⁶ О церковных судах см. подробнее: *Гайдено П. И., Филиппов В. Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI — середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 45. 2011. 12 (227). С. 106–116.

денным сторонником его старейшинства на протяжении всего мятежа. Что касается города, то Туров был отобран у строптивного дяди и отдан Ярославу Изяславичу, сыну нового Великого князя.

Из совершившегося в 1146 г. можно заключить, что в Турове и его земле присутствовало управление, основанное на тесной связи боярства, Церкви и князя. Однако здесь, на берегах Припяти, местная знать не имела «свободы» в выборе своих князей, как это было в Новгороде. Вместе с этим, вполне логично предположить, что туровское боярство тяготилось княжескими раздорами и постоянным вмешательством Киева в дело управления землей. Буквально за несколько лет до этого, в 1142 г., со сменой Киевского князя, в Туров вместо Вячеслава Владимировича Мономашича был посажен сын нового Великого князя Всеволода Святослав¹⁷. Переход Турова в руки Ольговичей ознаменовался раздачей союзникам и родственникам Киевского князя Всеволода пяти туровских городов. Такие действия, нарушавшие целостность удела, сокращавшие доходы туровской знати и туровского епископа, не могли не вызвать недовольство городских верхов. Поэтому неудивительно, что со смертью в 1146 г. Всеволода Ольговича прежний князь Вячеслав легко изгнал из города Святослава Всеволодовича и получил верных сподвижников в лице местного посадника и епископа. На этот раз ради обеспечения утраченного туровская знать была готова поддержать претензии Вячеслава на Киевский престол. Можно лишь догадываться, чем Вячеслав купил поддержку Турова, но наверняка среди обещанного было обязательство вернуть Турову его прежние владения, что и было сделано в ходе стремительных и успешных походов 1146 г.

Впрочем, в Турове, очевидно, присутствовало характерное для южнорусских и юго-западных княжеств равенство княжеской и боярской власти¹⁸. И в этом управлении, судя по расправе над Иоакимом, важную и весьма существенную роль играл епископ. Не исключено, что епископская власть в Турове стала приобретать черты, сближавшие положение местного архиерея с тем положением, которое в это время начинали занимать епископы Новгорода.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 310.

¹⁸ О классификации существовавших в домонгольской Руси форм управления см. подробнее: *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 37.

Кем был Иоаким по своему происхождению, трудно сказать. Ясно одно — он не принадлежал к числу выходцев из Киево-Печерского монастыря, иначе его имя непременно бы оказалось в списке церковных иерархов, возвращенных в обители Антония и Феодосия. Например, преемник Кирилла Туровского, Лаврентий, происходивший из печерских иноков, был особо отмечен в Печерском патерике наравне с иными иерархами, вышедшими из стен обители¹⁹. Ничего не известно ни о происхождении Иоакима, ни о его жизни, ни о его судьбе после ареста. Примечательно, что Иоаким Туровский не был замечен и современными исследователями, поскольку имя иерарха не попало даже в «Православную энциклопедию»²⁰.

О личности святителя можно судить лишь по нескольким косвенным признакам, проявившимся в обстоятельствах его ареста и препровождения в Киев. Во-первых, судя по тому, как обращались с Иоакимом, он не был византийцем. Ибо в противном случае Иоаким оказался бы под защитой Империи, хотя справедливости ради необходимо признать, что дипломатической неприкосновенностью в условиях Руси иностранный епископ мог и не обладать, как это видно в обстоятельствах изгнания епископа Адальберта, спутники которого были избиты, а само посольство ограблено²¹, и мученической кончины епископа Рейнберна, обвиненного в заговоре против Владимира Святославича и умершего

¹⁹ Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 2004. С. 360–361.

²⁰ Было бы неверно полностью драматизировать ситуацию. Имя Иоакима значится в нескольких справочниках, посвященных церковной иерархии. Но приходится признать, что даваемые в них сведения, как год хиротонии, участие в некоем Соборе 1145 г. и точные даты святительства, по большей части надуманны или же полны ошибок, порожденных благочестивыми фантазиями и домыслами, и очень трудно согласовываются с источниками (см.: *Н. Д. [Дурново Н. Н.]* Девятисотлетие русской иерархии. 988–1888. Епархии и архиереи. М., 1888. С. 29; *Макарий (Булгаков)*, митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского Патриархата (988–1240). М., 1995. Кн. 2. С. 667; *Мануил (Лемешевский)*, митр. Русские православные иерархи (992–1892): в 3 т. М., 2002. Т. 1. С. 543).

²¹ *Регинон Прюмский*. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: в 5 т. М., 2010. Т. 4. С. 47–49; *Титмар Мерзебургский*. Хроника // Там же. С. 65–66; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 311–338.

в заточении²². Во-вторых, в Киеве не было митрополита. А значит, епископ был приведен для княжеского суда, что в какой-то мере противоречило нормам Устава князя Владимира, если этот канонический сборник действительно имел в это время хождение на Руси, что представляет предмет научной дискуссии²³. В-третьих, Иоаким был закован наравне с посадниками, что означает не только равенство их вины, но и равенство социального положения. В-четвертых, Иоаким, вероятно всего, был обвинен вместе с туrowsкими боярами в «злом совете» князю, из чего следует, что епископ был причастен политической жизни города, допущен к управлению и разделял господствовавшие здесь настроения. В-пятых, хотя эту позицию можно вынести и на первое место, заслуживает самого пристального внимания уже то, что имя Иоакима вообще попало на страницы летописи. Учитывая не самый значимый статус возглавляемой им епископии²⁴ и одновременно высокое положение его

²² *Титмар Мерзебургский*. Хроника. С. 73–74; об обстоятельствах заговора, в который был вовлечен Рейнберн, церковном и международном аспектах борьбы Владимировичей в 1015–1019 гг. см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 451–504.

²³ *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви: Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. М., 1901. С. 617–627; *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 2004. С. 159; *Юшков С. В.* Устав князя Владимира (историко-юридическое исследование) // С. В. Юшков: сб. раб. / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1989. С. 71–335; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1972. С. 12–135; *Цытин В., прот.* Церковное право. М., 1996. С. 102–106; *Гайденко П. И.* О практической значимости Устава князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // *Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.* Обзор письменных источников по истории Русской Церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1: Источники по истории Русской Церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства. Казань; Набережные Челны, 2008. С. 112–119.

²⁴ Одно из ранних исторических описаний Православия в Западной Руси ошибочно назвало Туrowsкую епископию на пятом месте из шести епархий этого периода. Очевидно, эти сведения были заимствованы и неверно пересказаны из сообщений Никоновской летописи и Степенной книги, в которых говорилось не о Туrowsкой, а о Владимирской (на Волини) епископской кафедре. Вместе с тем это ошибочное замечание вполне адекватно передает статус Туrowsкой епископии в глазах современников XV–XVI вв. Впрочем, учитывая более значимый статус Владимира Волинского, едва ли на раннем этапе истории соседней ему Туrowsкой кафедры местные епископы могли занимать более почетное место в списке иерархов Русской Церкви (ПСРЛ. Т. 9. С. 65; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: в 3 т. М., 2007.

союзников²⁵, имена которых, исключая Жирослава Яванковича²⁶, при этом так и не были названы, появление Иоакима на страницах летописи свидетельствует о том, что его роль в организации походов Вячеслава была весьма значимой²⁷.

При всей гипотетичности вышеизложенных построений можно заключить, что Иоаким наверняка происходил из местного, русского населения и при этом из среды знати, что и позволило ему занять столь высокое положение в городе. Что касается дальнейшей судьбы епископа Иоакима, то она неизвестна. Ясно одно, имя туровского архиерея не фигурирует в записи 1147 г. в списке иерархов, поддержавших желание Изяслава видеть на Киевской кафедре своего любимца и принявших соборное решение о рукоположении Климента Смолятича²⁸. Не значит-ся туровский святитель и среди противников инициативы Изяслава. Е. Е. Голубинский вполне оправданно высказался за то, что по политическим причинам Иоаким был совершенно «удален» с кафедры²⁹. Основываясь на том, что имя этого архиерея больше никак не проявилось в каких бы то ни было источниках, а в отношении епископа более не

Т. 1. С. 306; Воспоминание о древнем Православии Западной Руси. М., 1867. С. 14–15).

²⁵ Первоначально посадничество было связано с административно-правовой и финансово-экономической деятельностью представителей княжеского рода. Но в дальнейшем оно стало возлагаться на лиц из городских верхов и княжеского окружения. В итоге, в древнерусской социальной и служебной иерархии посадничество стало одной из высших должностей, которой мог достигнуть человек не княжеского происхождения. О значении посадников и истории посадничества см.: *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 138; *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 170–174; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003; *Толочко П. П.* Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб., 2011. С. 131–149.

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 330.

²⁷ Правда, ситуация могла быть и проще. Приведенный в Киев в кандалах епископ мог привлекать внимание необычностью своего незавидного положения.

²⁸ Митр. Макарий (Булгаков), ошибочно ссылаясь на якобы имеющиеся о том известия Печерского патерика, приписывал Иоакиму участие в Соборе, избравшем Климента на митрополию. Но сказание о Нифонте, к авторитету которого обратился выдающийся церковный историк, никаких подобных сведений не содержит. В отличие от Ипатьевской летописи, оно вообще не называет каких-либо имен (Киево-Печерский патерик. С. 352–355; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340–341; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 290).

²⁹ *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви: Т. 1. Ч. 1. С. 304–305.

принималось никаких решений, в том числе и церковных, можно заключить, что Изяслав сам совершил суд над Иоакимом, оставив Туровскую кафедру вакантной. Не исключено, что последнее было сделано намеренно, чтобы понизить ранг туровского удела и пресечь развитие какой-либо вольности в городском самоуправлении города³⁰. Во всяком случае, если согласиться с Тихомировым, резонно высказывавшимся о том, что существование в Турове епископии служило фактором, способствовавшим повышению значимости этого города и его княжества³¹, то отказ городу в обладании епископом также можно рассматривать в качестве церковно-политического давления на местную знать со стороны Киева. Но есть в этой истории еще один существенный нюанс — безразличное отношение церковных лиц к судьбе архиерея. Последнее обстоятельство наводит на грустные размышления о состоянии нравственной и религиозной жизни древнерусского духовенства в целом.

Следующий Туровский епископ Георгий, если верить Н. Н. Дурново, к авторитету которого обычно прибегают при установлении времени святительства данного архиерея, появился на кафедре только в 1167 г. Но через два года, в 1169 г., по каким-то неясным причинам епископ покинул город³². С точки зрения церковного права, такой проступок влек за собой наказание в виде извержения из сана³³. Впрочем, для Руси XII в. самостоятельное оставление иерархом своего города не было чем-то необычным. За полтора десятилетия до этого, в 1159 г., свою кафедру покинул митр. Константин. Необдуманно и самонадеянно нало-

³⁰ Очевидно, что открытие в городе епископской кафедры в условиях Руси рассматривалось современниками в качестве повышения статуса земли [или удела] или княжившего здесь Рюриковича (Гайденко П. И., Филиппов В. Г. К вопросу о церковной собственности и церковных доходах в Киевской Руси (постановка проблемы) // Финно-угры — славяне — тюрки: Опыт взаимодействия (традиции и новации): Сб. мат-лов Всеросс. научн. конф. / Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, УдГУ; сост. и ред. А. Е. Загребин, В. В. Пузанов. Ижевск, 2009. С. 627–628).

³¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 230.

³² Н. Д. [Дурново Н. Н.] Девятисотлетие русской иерархии. С. 29.

³³ 17 правило Антиохийского Собора определяет, что епископ, самостоятельно оставивший кафедру, может быть приглашен на нее. При отказе вернуться и продолжающемся упорстве он должен быть смещен и извержен из сана. Не менее категорично в отношении таких епископов и 36 Апостольское правило (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М., 1911. Т. 1. С. 102–104; Т. 2. С. 76).

жив церковное проклятие на покойного князя Изяслава, возведшего на Киевскую кафедру Климента Смолятича, митрополит-грек столкнулся с гневом со стороны Ростислава Изяславича, сына уже давно почившего князя³⁴. Позорно бежав из Киева, Константин нашел приют в Чернигове, у местного не менее одиозного архиерея-грека Антония, где вскоре и скончался, удивив своим погребением современников³⁵. При всей, казалось бы, извинительной причине поступка Константина, церковная традиция рассматривает уклонение от мученичества ради свидетельства веры в качестве тяжкого греха.

Еще один яркий пример оставления епископом своей кафедры содержится и в истории Новгорода. Дважды десятилетиями ранее, около 1130 г., епископ Иоанн Попьян также самовольно удалился с кафедры³⁶. За это его имя было изъято из большинства списков новгородских архиереев. Уход Иоанна с кафедры был добровольным. Тем не менее большинство исследователей вполне обоснованно склонны считать, что «отвержение» епископа было обусловлено церковной и церковно-политической ситуацией в Новгороде первой трети XII в.³⁷ Наиболее полно этот вопрос был изучен А. Е. Мусиным, предположившим, что воспитанный на идеях грека Никифора Иоанн не смог принять перемены в жизни Новгорода, при которых власть иерарха, монастырей и храмов все более подпадала под контроль городской общины и князя³⁸. Это особенно примечательно, потому что Иоанн наверняка был возведен на кафедру из новгородских «попов», т. е. женатого духовенства, о чем свидетельствует само его прозвище — Попьян, т. е. «поп Ян [Иоанн]», а значит, от него можно было бы ожидать большего сочувствия

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 503.

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349.

³⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 163.

³⁷ *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Он же. Древняя Русь: Сб. раб. М., 1975. С. 162; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М. 1977. С. 50; *Он же.* Печать Новгородского епископа Ивана Попьяна // ВИД. № 9. 1978. С. 47–56; *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 66–68.

³⁸ См. подробнее: *Мусин А. Е.* Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород, 1998. Вып. 12; *Он же.* Таинственная анафема: загадки дома Святой Софии. XII век // Чело. 2004. № 2. С. 14–18.

тенденциям, присутствовавшим в Новгороде. Но Иоанн оказался иного мнения о происходящем. Правда, возникает вопрос: кто наложил против Иоанна канонические прещения — местная городская власть или новый митрополит? Примечательно, что примерно на эти же годы приходится несколько удалений епископов с кафедр. В 1159 г. происходит изгнание из Суздаля епископа Леона. Местный архиерей был изгнан горожанами «зане оумножилъ бяше ц[е]ркви грабляи попы»³⁹. Подобная ситуация, но еще более радикальная, наблюдается и в более поздний период. В 1183–1185 г. суздальцы и их князь Всеволод Юрьевич вообще отказались принимать у себя присланного им из Киева епископа-грека Николая, ибо «не избраша сего людьє», и добились рукоположения им их собственного кандидата Луки⁴⁰.

Таким образом, уход в 1169 г. епископа Георгия с Туровской кафедры вероятнее всего был вызван некими существенными разногласиями между Георгием и местной знатью по каким-то церковным или церковно-политическим вопросам. Все вышеуказанное дает основание говорить о том, что в 30–60-е годы XII в. наблюдается общерусская тенденция установления контроля над епископскими кафедрами со стороны городских общин. От архиереев требовалось большее понимание реальных политических и церковных нужд городской общины и духовенства, разделения трудностей, постигавших возглавляемые ими округа, реального христианского примера.

Впрочем, предложенные в православных изданиях сведения о жизни епископа Георгия содержат еще одно существенное затруднение для исследователей — это даты святительства, 1167 и 1169 гг. При воссоздании жизни епископа Георгия Туровского не представляется возможным установить источник, из которого Н. Н. Дурново черпал свои сведения об этом святителе. Пожалуй, единственным письменным памятником, сообщающим хоть и краткие, но заслуживающие доверия сообщения о личности Георгия, пока остается «Сказание о туровском монахе Мартыне», вошедшее в состав древнерусского Пролога. Этот источник, происхождение которого, как считается, связано с туровским книгописанием⁴¹,

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 493.

⁴⁰ Там же. Стб. 629–630.

⁴¹ *Лысенко П. Ф.* Киев и Туровская земля // Киев и западные земли Руси в XI–XIII вв.: [Сб. ст.] / Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН УССР; [Ред. кол.: Л. Д. Поболь и

упоминает епископа Георгия в качестве лица, освободившего Мартирия от почетной, но тяжелой работы архиерейского повара⁴². Смущают эти даты и тем, что именно на 60-е годы XII столетия приходится создание Кириллом произведений, направленных против злоупотреблений Андрея Боголюбского и епископа Феодорца. В результате представляет интерес, как еп. Георгий мог быть связан с деятельностью Кирилла, поддерживал ли ее, и был ли причастен к возникшей полемике? Учитывая то обстоятельство, что подобная пересылка корреспонденции требовала существенных материальных затрат, а также заинтересованности обоих адресатов, возникает еще целый комплекс вопросов: кто был инициатором переписки? Какие цели она преследовала? Как относились к переписке туровский епископ и туровский князь? При всех морально-этических, экклесиологических и догматических темах этих посланий нельзя отрицать того, что они, а особенно те из них, которые имели черты памфлетов, несомненно могли иметь политический характер.

Смещение епископа Георгия и появление в Турове такой личности, как Кирилл, во многом было предопределено ходом политических и церковных событий середины и второй половины XII в., в которых Туровская земля пробовала сохранить свою целостность, церковную, экономическую и политическую самостоятельность в рамках Древнерусского государства. В условиях ожесточающихся внутрдинастических противоречий в разрастающемся потомстве Рюриковичей, усложнения социальной организации восточнославянского общества и его институтов власти и управления, возрастания роли и значения вечевых структур туровская знать нуждалась в таком архиерее, который бы понимал и разделял трудности города, сохранял верность интересам городской общины, был ее молитвенником перед Богом и защитником интересов перед более сильными политическими центрами Руси, Киевом и Владимиром.

М. Н. Тихомиров вполне точно оценил деятельности Кирилла Туровского как «активное участие в церковно-политической борьбе»⁴³.

др.] Минск, 1982. С. 106.

⁴² «Некто старец, именем Мартын, быв и преж(е) повар епископом Туровьским Сумиону (Семеону) (и) Игнатью, Иоакиму (и) Георгию). Сего (сесь же) епископ Георги свободи старости ради, и быв мних, призываше (пребываше) в епископли монастыри у (церкви) святую мученику(ка Бориса и Глеба) на болоньи» (Сказание о туровском мнихе Мартыне // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 583).

⁴³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 231.

С 1142 по 1169 гг. в Турове, который считался уделом Изяслава Ярославича и его потомков, прежде всего по линии Святополка Изяславича, произошла смена нескольких князей, представлявших линии не только Изяславичей, но и Мономашичей и Ольговичей. Главной причиной частых перемещений в Турове были перемены на Киевском столе⁴⁴. В итоге, в 40–60-е гг. XII в., до падения Киева во время походов дружин Андрея Боголюбского, Туров был погружен в борьбу за свою политическую автономию. В. В. Колесов уже на первой странице своего исследования, посвященного Кириллу Туровскому, объяснял возведение того на кафедру включением Кирилла в политическую борьбу на стороне князя Юрия Ярославича⁴⁵, последовательно отстаивавшего политические интересы Туровской земли и права своего потомства на местное княжение.

Однако, как бы ни были существенны политические обстоятельства появления личности Кирилла, не менее важными факторами должны были стать личные качества туровского епископа. Житие указывает целый ряд важных достоинств Кирилла: 1) уроженец и воспитанник «града Турова»; 2) сын «богату родителю»; 3) «добре извыче святых книг учению», при этом тяга к книгам была противопоставлена любви к богатству и земной славе; 4) «отшед в монастырь и бысть мних»; 5) добродетельная постническая монашеская жизнь в послушании игумену (а ведь он из знати); 6) несение подвигов столпничества и затворничества; 7) знание Священного Писания и известность в Турове; 8) избрание на епископию «молением» князя и горожан. В нравственных качествах Кирилла, отмеченных составителем Жития, много примечательного. Но некоторые из перечисленных достоинств Кирилла особенно интересны.

Первым качеством названо рождение и воспитание Кирилла в Турове. Очевидно, в глазах горожан это было наиболее ценное качество в личности иерарха. Как видится, умонастроения Кирилла и его деятельность вполне отвечали интересам города, погруженного в борьбу за

⁴⁴ О политической борьбе этого периода см. подробнее: *Грушевский М. С.* Очерки истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 163–224; *Клеванов А. С.* История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 2001. С. 61–143; *Цветков С. Э.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054–1212. М., 2009. С. 237–419.

⁴⁵ *Колесов В. В.* Жажда свободы против похоти воли // Он же. Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты. М., 2009. С. 5.

свою независимость. Следовательно, можно заключить, что в святителе видели своего рода патриота родной земли.

Вторым достоинством Кирилла названо рождение от «богатых» родителей. Данное обстоятельство не менее важно. Евангельская традиция (в том числе в преданиях и апокрифах), подчеркивая достоинства Елисаветы, Иоанна Крестителя, Божией Матери и Иосифа, обращает внимание верующих на то, что все они были рождены в знатных и одновременно благочестивых семьях. Подобный взгляд на семейную преемственность святости был наследован и в агиографии. Такое рождение уже самим фактом служило лучшим свидетельством богоизбранности не только святого, но и его земного рода. При этом богатство выступало зримой заслугой перед Богом, залогом и фактором, подтверждающим высокие моральные и религиозные качества его обладателей⁴⁶.

Следующие черты личности Кирилла связаны с его монашескими подвигами и тягой к исследованию Священного Писания. Акцентирование внимания на образованности будущего святителя наводит на мысль, что подобная начитанность, понимание священных текстов и вдумчивое отношение к вере были не столь частым, а поэтому очень ценным явлением в светской и церковной среде. Похожую оценку начитанности церковного иерарха можно встретить в посмертном слове о Киевском митрополите Иоанне (†1089)⁴⁷. Конечно, было бы неверно думать, что все духовенство разделяло такой взгляд на образованность, как это видно на примерах отрицательного отношения печерской братии к тяге монаха Никиты, будущего новгородского святителя, к чтению ветхозаветных книг⁴⁸. Не менее показательны насмешки священника Фомы над Климентом Смолятичем⁴⁹. Но для жителей Турова образованность Кирилла имела принципиальное значение. Во всяком случае,

⁴⁶ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Бытие и быт. СПб., 2004. С. 213–217, 222–226.

⁴⁷ «Быс[ть] же Иоан мужь хытръ книгамъ . И оученью . м[и]л[о]ст[и]въ оубогымъ . и вдовицамъ . ласковъ же ко всякому ба[га]ту и оубогу . смиренъ же и кротокъ . молчаливъ . речистъ же книгами с[вя]тыми . оутешая печальныя . и сякого не быс[ть] преж[е] в Руси . ни по немь не будетъ сякъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208)

⁴⁸ Киево-Печерский патерик. С. 392–397.

⁴⁹ Послание Климента, митрополита Русского, написанное к Фоме, истолкованное монахом Афонасием // Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 140–148.

именно литературные дарования Кирилла имели определяющее значение в его отношениях с Андреем Боголюбским.

Что касается остальных похвальных слов в адрес Кирилла, то важность отмеченных качеств — искренность в принятии монашества, смирение, послушание и избранность князем и людьми, — лучше всего могут быть поняты в контексте проблем жизни и быта епископата. Бытовая жизнь древнерусского епископата, особенно иерархов домонгольской Руси, практически не описана. Емкие и интересные наблюдения Б. А. Романова⁵⁰ могут рассматриваться как хороший фундамент для последующих работ в данном направлении. Однако пока такого комплексного исследования, к сожалению, не существует. Очевидно, сосредоточенное на ряде добродетелей внимание указывает на то, что скромность, нестяжательность, послушливость, начитанность и кротость далеко не всегда были присущи епископату Древней Руси. Свидетельством этого может служить посмертное похвальное слово о еп. Пахомии (†1216), в котором почивший архиерей противопоставлялся иным архиереям, «волкам» (евангельский образ дьявола), похитителям богатства «чужих домов» (евангельский образ фарисейства) и т. д.⁵¹ Весьма вероятно, что слишком высокие материальные запросы архиереев представляли одну из существенных проблем, связанных с их содержанием.

О размерах сборов в счет епископских кафедр можно судить по грамотам, связанным с открытием Смоленской епископии⁵², регламентировавшим содержание Новгородской епископии⁵³ и по сюжету, связанному с возведением новгородских архиереев в архиепископы⁵⁴. Не

⁵⁰ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 2002. С. 150–181.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. С. 153–154.

⁵² Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–145; Подтвердительная грамота епископа Мануила // Там же. С. 145; Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли // Там же. С. 146.

⁵³ Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/37 г., Новгород, о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода с дополнительными установлениями XIII в. о десятине с приложских и поволжских земель // Там же. С. 147–148.

⁵⁴ Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 331.

меньшую материальную и финансовую проблему представляли ежегодные материальные выплаты Киевскому митрополиту и патриарху⁵⁵. Очевидно, значительная часть поступавших в епископию сумм и сборов тратилась на содержание иерарха, а также уходила в Киев и в Константинополь. Поэтому неудивительно, что при избрании кандидатов горожане и князь желали иметь на кафедре не просто талантливых, но и в материальном и бытовом отношении наименее притязательных епископов. В результате нередко выбор делался в пользу подвижников. Кирилл Туровский не был единственным, кто взошел на кафедру из затвора. Подобные подвиги до своего избрания несли митр. Иларион, Новгородский епископ Никита и митр. Климент Смолятич. Преемник Кирилла Туровского Лаврентий также до возведения на кафедру нес подвиг затворничества. Не исключено, что огромные расходы на содержание духовенства могли быть одной из причин продолжительных периодов вдовствования епископских кафедр. Очевидно, что монахи-аскеты рассматривались в качестве наиболее желательных кандидатов на занятие вакантных епископских должностей. И если монахов было более чем достаточно, то аскеты среди них были явным меньшинством. Вероятно, поэтому князья и знать городов порой не торопились с поиском кандидатов, а иногда и попросту отказывались от присылаемых им из Киева иерархов. Такая история случилась в 1183–1185 гг. в Суздале, не пожелавшем принять навязываемого митрополитом епископа. Вместо него суздальцы истребовали себе «смиренаго д[у]х[о]мъ и кроткого игоумена» Луку⁵⁶. Хоть и не без труда, их просьба была удовлетворена. Поэтому легитимность церковной власти Кирилла Туровского была весьма высока, поскольку опиралась не только на епископское рукоположение, но и на два важнейших преимущества: харизму аскетического прошлого и на избрание, подобное тому, что происходило в Новгороде. Впрочем, подобная процедура выбора епископов могла присутствовать и в иных епископских центрах. Уже упоминавшийся Суздальский епископ Лука также был избран горожанами за его подвижническую жизнь, а прежде

⁵⁵ *Карташев А. В.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. С. 187; *Гайденок П. И., Филиппов В. Г.* К вопросу о церковной собственности и церковных доходах в Киевской Руси (постановка проблемы). С. 627–628.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629–630.

него не допущенный на кафедру еп. Николай Гречин, представлявший интересы митрополита, подобным же образом отвергнут⁵⁷.

Тем не менее, интересно понять степень политического влияния Кирилла. В связи с этим представляют интерес его отношения с Андреем Боголюбским, на что особо обращает внимание Житие. Краткие житийные сообщения об этих связях наводят на ряд размышлений. Во-первых, то, что Андрей Юрьевич проявлял интерес к посланиям туровского епископа, указывает не только на высокий духовный авторитет святителя, но и на существование неких общих интересов или взглядов между епископом и владимирским князем. Во второй половине XII в. такие отношения между духовными лицами и князьями иных территорий, очевидно, были хоть и редким, но не исключительным явлением. Например, черниговский князь Святослав поддерживал самые тесные отношения с печерским игуменом Поликарпом, что послужило причиной ревности и обид Черниговского епископа Антония, добившегося наложения на Поликарпа незаслуженного наказания⁵⁸. Правда, в отличие от печерского игумена Кирилл был епископом и его канонический статус существенно разнился с положением настоятеля прославленной обители. Во-вторых, наличие целого цикла посланий позволяет заключить, что Кирилл пользовался широким доверием местной знати и князя, позволявшим туровскому архиерею на протяжении долгого времени обращаться со своими посланиями к владимирскому «самовластцу», еще недавно претендовавшему на обладание Туровом. Из этого можно заключить, что действия Кирилла в целом совпадали с городскими интересами. В-третьих, в условиях Средневековья «почтовые отправления» — дорогая роскошь, поскольку требовали существенных затрат на отправку посланий и обеспечение их безопасности. Так что уже само наличие посланий указывает на наличие у Кирилла (даже если бы посыльными оказались монахи) достаточных средств, позволявших туровскому епископу поддерживать продолжительную связь с Андреем Юрьевичем. Впрочем, вопрос не только в дороговизне поездки, но и в обеспечении ее безопасности. Последнее особенно интересно, поскольку могло быть достигнуто лишь вооруженным сопровождением. В этом отношении примечательна история смерти в Киеве Новгород-

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354–355.

ского епископа Стефана, задушенного своими холопами⁵⁹. Присутствие при новгородском архиерее холопов могло быть не только следствием тяги архиерейского быта к роскоши, но и, возможно, являлось насущной необходимостью. Не исключено, что одной из обязанностей, возлагавшихся на холопов, было обеспечение безопасности проезда своего епископа. В-четвертых, произведения Кирилла пользовались известностью. Литературные и духовные дарования святителя выделяли его из большинства архиереев домонгольской Руси, даже таких, как Никифор, Нифонт и другие. Но почему-то имя Кирилла ни разу не появляется на страницах летописания⁶⁰, и это при том, что летописание нередко сохраняло и менее значимые имена. Как уже было отмечено, отношения между Кириллом и Андреем были отмечены лишь в Житии Кирилла. Основываясь на житийном сообщении, Н. Н. Воронин полагал, что между Кириллом и Андреем существовала некая переписка. Но дословный текст Жития сохранил известие лишь о посланиях Кирилла. Об ответных посланиях Андрея Боголюбского данный памятник не сообщает. Но помимо Жития об отношении Кирилла к Андрею позволяет судить «Притча о человеческой душе и теле», сохранившая поучение о «хромце и слепце»⁶¹. В историографии появление этого отрывка обычно связывается с обличениями в адрес Андрея Боголюбского и его любимца еп. Феодора, обвиненного в «незаконном захвате сана»⁶².

Поведение Кирилла во многом, хотя и далеко не во всем, напоминало поведение Новгородского епископа Нифонта, выступившего в 1147 г. против посвящения в митрополиты Климента Смолятича, любимца князя Ростислава⁶³. Очевидно, что в этом споре властным Ни-

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 473.

⁶⁰ В краткой статье, посвященной Кириллу Туровскому, ошибочно указывается на упоминание о нем в Ипатьевской летописи под 1169 г. Эта ошибка порой повторяется и в историографии. Но сообщений о прославленном епископе в летописи нет (ср.: *Творогов О. В.* Кирилл, епископ Туровский // <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4016> (дата обращения: 08.02.2014); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 532–537).

⁶¹ Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божией заповеди и о воскрешении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // *Колесов В. В.* Кирилл Туровский. М., 2009. С. 25–40.

⁶² Там же. С. 33; *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 110–111.

⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484; Киево-Печерский патерик. С. 352, 353; подробнее см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 289–292; *Голубинский Е. Е.* Исто-

фонтом двигали не только архипастырская ревность и искреннее грекофильство. За решительными и уверенными действиями Нифонта наверняка скрывались и интересы новгородцев. С приобретением архиепископства горожане получали пусть и временную, но все же реальную церковную автономию от Киева, открывавшую путь и к автономии политической. За свою непримиримую позицию в отношении Климента Нифонт удостоился сана архиепископа⁶⁴ и Благословенной патриаршей грамоты, о которой упоминало летописание⁶⁵.

Уверенные шаги Кирилла, о которых можно судить по его литературному наследию, очевидно, объяснялись поддержкой со стороны Турова. Наиболее ярко указанные качества Кирилла проявились в событиях, связанных с попытками учреждения во Владимире самостоятельной митрополии⁶⁶. Но в отличие от Нифонта, ошибочно и искренне полагавшего невозможность самостоятельного избрания митрополита и непримиримо защищавшего интересы Константинополя на Руси, в поступках Кирилла не обнаруживается ни грекофильства или принадлежности к прокиевской партии, ни политической заинтересованности и ангажированности в пользу Константинополя, ни епископской власти. Более того, Туров, в котором располагалась кафедра Кирилла, не мог быть отнесен к числу политических центров, подобно Новгороду способных противостоять Киеву или Владимиру и заявлявших о расширении своих автономных прав. В итоге, категорически не соглашаясь с методами Феодора и Андрея, «разорявших виноградник»⁶⁷, Кирилл не боролся с владимирским князем и его любимцем, а призывал их к со-

рия Русской Церкви: Т. 1. Ч. 1. С. 300–315; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. С. 170–176; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектория традиций: главы из истории династии и Церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 21–79.

⁶⁴ *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви: Т. 1. Ч. 1. С. 443.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484.

⁶⁶ См. подробнее: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 295–297; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви: Т. 1. Ч. 1. С. 330–332, 439–442; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. С. 177–181; *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 84–118.

⁶⁷ В этих словах можно увидеть явный намек на репрессивные действия и отказ Андрея и Феодора соблюдать каноны и принятые нормы права во время наложения интердикта на ростовские храмы и в ходе шагов, направленных на создание независимой митрополии во Владимире (Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле... С. 30–36).

хранению врученного им «виноградника». Но что понимать в данном случае под евангельским образом «виноградника»: Вселенскую Церковь, Русскую Церковь, Владимирскую (Ростовскую) епископию, Киев? Русь?

Проклинал ли Кирилл Феодорца, как об этом пишет житие-сказание? Едва ли. Скорее всего, это явное преувеличение позднего составителя проложного свода. Необходимо сказать, что, похоже, никто из русских архиереев не поддержал митр. Константина, решившегося на расправу с Феодором. Очевидно, и это обстоятельство подчеркивается в летописании, владимирский «белый клубочек» был приговорен и жестоко казнен не соборным решением, а волевым распоряжением митрополита⁶⁸. Собственно, и Кирилл считал поступки Феодорца и Андрея подсудными лишь Богу. Но и Божий суд в притче, произведении туровского святителя, не исключал возможности оправдания для провинившихся «души» и «тела», т. е. «слепца» и «хромца»⁶⁹. И в этом отношении по сути официальная, публично высказанная позиция Кирилла противоречила воле митрополита-грека Константина. Впрочем, заслуживает внимания и то, что за Феодорца никто из церковных иерархов так и не заступился. Судя по оценкам личности этого владимирского епископа в летописании, его смерти были даже рады. Вместе с этим можно согласиться с мнением Н. Н. Воронина, полагавшего, что разорение Киева могло быть связано со смертью посланного в Киев Феодора⁷⁰.

* * *

Оставив после себя богатое литературное наследие, еп. Кирилл Туровский оказался практически незамеченным в летописании. Если проповеднические труды этого святителя сохранились во множестве посланий и проповедей, то его политическая деятельность прослеживается лишь через посредство косвенных источников. Однако и этот след настолько ярок, что позволяет в немногословии древнерусских памятников обнаружить глубокую, вдумчивую и целостную личность.

Взойдя на высоту епископской кафедры, Кирилл явил собой образ «добрého пастыря» так, как его понимали жители Турова и современники русского Средневековья. Богатый жизненный опыт, знатность происхож-

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356.

⁶⁹ Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле... С. 40.

⁷⁰ Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. С. 117–118.

иеромонах Петр (Гайденко)

дения, верность своему городу, монашеская нестяжательность, снисходительность к порокам современников, проповеднический талант и умение общаться с княжеской властью позволили Кириллу послужить городу не только на епископском, но и на дипломатическом поприще.

Жизнь и деятельность Кирилла показали, что в середине и второй половине XII в. на Руси в церковно-политической плоскости протекали во многом похожие процессы: усиление влияния горожан в деле контроля административно-канонической жизни Церкви, повышение требовательности к духовной жизни епископата, привлечение иерархов к разрешению политических конфликтов. Высшая церковная иерархия все более погружалась в дела своих земель, а сами земли-княжения стремились добиться права избрания своих епископов. В какой-то мере церковно-политические процессы в Турове напоминали жизнь Новгорода и его епископии. Церковные реалии этого времени во многом были отражением не только внутреннего и внешнего взросления русского христианства, но и изменений, происходивших в политической плоскости: разрастание рода Рюриковичей, повышение роли городов, усложнение административного устройства Древней Руси.

Представленные в статье наблюдения и замечания имеют предварительный характер и со временем могут быть пересмотрены и уточнены.

Hieromonk Petr (Gaidenko)

CYRIL OF TUROV AND HIS TIME: OBSERVATIONS AND COMMENTS

Activities and personalities of the Russian bishops in the pre-Mongolian period rarely attracted researchers' attention. Meanwhile, the activities of the diocesan bishops deserve this attention and comprehension. Among the Southern Russian hierarchs the first place must certainly be given to Saint Cyril of Turov. The author, within the framework of the article, attempts to consider his work in the context of the events of those days and mores of the Russian Church hierarchy in the middle and second part of the 12th century.

Keywords: *history of the Russian Orthodox Church, old Russian hierarchy, pre-Mongolian Rus, ancient Rus, Kievan Rus, Cyril of Turov.*